

*Серия*  
**«КРИМИНАЛЬНАЯ КАРТА  
РОССИИ»**

*Криминальные детективы*

*Вся серия*  
**«КРИМИНАЛЬНАЯ КАРТА  
РОССИИ»**

Разборки в Японском море  
Алмазы Якутии  
Черноморский Клондайк  
**Закон — Тайга**

*Криминальные детективы*

*Серия «Криминальная карта России»*

---

*Михаил*  
**СЕРЕГИН**

**ЗАКОН — ТАЙГА**

УДК 821.161.1  
ББК 84(2Рос-2Рус)6  
С32

**Серегин, М.**

С32 Закон — Тайга / М. Серегин. — М. : Научная книга / RUGRAM, 2021. — 472 с. — (Эхо девяностых).

ISBN 978-5-521-76110-4

Говорят, в тайге хозяин — медведь. Но староверы, навсегда поселившиеся там, считают, что хозяева тайги они. Аким — выходец из селения староверов, охотник и следопыт. Циклоп — бандит, тоже промышляющий охотой, но за людьми. Между ними давнишняя вражда, ведь именно Аким оставил Циклопа без глаза. Бандит собрал своих головорезов и подобрался совсем близко к селению староверов, где решил разжиться заготовленной охотниками пушниной. Но Аким зверя чует на расстоянии, а уж бандита тем более! И когда Циклоп слышит у себя за спиной холодный щелчок затвора, он понимает, что проиграл...

BIC FH  
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-76110-4

© Т8 RUGRAM, оформление, 2021  
© Т8 Издательские технологии, 2021

# ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. АКИМ

## ГЛАВА 1

Сухие сучья занялись хорошо, но пламя стелилось низко по земле, словно глухая таежная ночь, навалившись с невидимого из-за густых хвойных ветвей неба, стремилась задушить костер. Огненные рваные лоскутья покрывали лица сидевших у костра людей багровыми шрамами, и оттого люди казались не живыми, а похожими на каменных языческих идолов, высеченных тысячи лет назад.

Вокруг костра на поляне среди расступившегося леса неясно вырисовывались из темноты пологие холмики брезентовых палаток — людей, находящихся в них, и охраняли двое, сидевших у костра. Конечно, никакой таежный зверь и близко не подойдет к охотничьему лагерю, опасаясь горящего всю ночь огня, но ведь в тайге не только зверей нужно бояться.

Один из дозорных, пошевелился, подбросив в огонь изломанную хворостину. Пламя вспыхнуло ярче, выхватив из мрака пунцовое от жара лицо — глубокие складки возле губ, давно не бритую кустистую щетину, недобрый тонкогубый рот. Прикрывшись от брызнувших искр ладонью, человек, хрипло пробормотал что-то.

— А? — встрепенулся второй.

— Фиг на, — немедленно отозвался хриплоголосый. — Проверка революционной бдительности. Спишь, что ли, Гаврюша?

— Не сплю... — ответил второй дозорный, хотя за несколько секунд до этого и правда задремал и теперь изо всех сил пытался прогнать вяжущую тело дремоту суетливыми движениями — каблуком сапога двинул к огню откатившуюся ветку, приподнявшись, принялся

неловко вколачивать открытой ладонью и так крепко вбитые в землю камни, окаймлявшие границу костра.

Но хриплоголосый, усмехнувшись, сказал:

— Я и вижу... — и второй дозорный, словно смутившись, снова опустил на корточки, прекратив ненужную деятельность.

— Спишь, Гаврюша, — уверено констатировал хриплоголосый, — это потому что с непривычки. — В тайге первый раз?

— Не. С отцом охотились. Белок промышляли. Так далеко, правда, не заходили...

— Я и говорю, что в первый. Наверное, уже материть себя начал, что пошел с нами.

— Не, — поспешно проговорил Гаврюша, но хриплоголосый снова усмехнулся, и он смолк.

Тот, кого называли Гаврюшей, был не пример своему товарищу, сухощав и малоросл. Борода у него еще не росла, только над верхней губой пробивались редкие волосенки, ясно указывая на то, что их обладатель вряд ли еще достиг совершеннолетия. Одет Гаврюша был не в охотничью утепленную брезентовую куртку со множеством карманов, и даже не в военный ватник, который носили охотники победнее. Тонкая болоньевая курточка, надетая на громадных размеров свитер, неудобно бугрилась на Гаврюше. Рядом с ним серым комом лежала старенькая телогрейка, похожая теперь на спящую птицу.

Собеседника Гаврюши звали Витек. Широкоплечий и коренастый, он был все-таки выше Гаврюши, и, конечно, смотрелся куда более внушительно — военный ватник, новый, но уже продранный и прожженный в нескольких местах, был неумело залатан — явно мужской рукой, ватник перехватывал широкий армейский ремень, на котором справа висел большой нож в кожаном чехле.

Витек сидел прямо на земле, сцепив на коленях мощные, испещренные синей татуировкой кисти, нечесанные патлы упрямо лезли на покатый лоб, а тонкие губы складывались в недобрую ухмылку. С правой стороны рядом с Витьком лежала двустволка, на прикладе которой был почему-то сбит заводской номер и набита кожаная нашлапка, чтобы смягчить отдачу. К тому же на мушке имелось пятнышко фосфорной краски, чтобы легче было целиться в темноте.

Из угрюмо молчащего леса долетел едва слышный хруст. Витек не пошевелился. Гаврюша вскочил на ноги, озираясь.

— Да вот она, вот, — кивнул Витек на лежащую у костра старенькую берданку. — Сядь и успокойся. Только сначала пуалку свою отодвинь от огня. От греха подальше...

— Там что-то...

— Ничего там не было, — зевнул Витек.

— Я слышал, — сказал негромко Гаврюша, держа свою берданку обеими руками. — Я все время прислушиваюсь. Мужики же говорили, что в этой местности встречаются эти... лесовики.

Витек помолчал немного.

— Не лесовики, — поправил он, — старообрядцы. Староверы. Их и правда здесь до фи́га. Дикари. Люди говорили, что они еще при царе каком-то в Сибирь свалили — вроде новая вера им не понравилась. А потом, когда советская власть появилась и до Сибири добралась, они и еще дальше в тайгу ушли. Селятся где-то в глуши, живут семьями, как эти... первобытнообщинные. Живут, говорю, в лесу, охотятся, раз в год вылезают к людям, меняют мясо и пушнину на патроны. Дикари они и есть. Волосатые и бородатые, сами чуть ли не в шкурах ходят. Смотреть страшно... В прошлом году один мужик в этой местности пропал, — добавил он, закуривая.

— Как это пропал? — прошептал Гаврюша, нервно оглядываясь.

— А вот так, — сказал Витек, — если бы зверь задрал, так нашли бы его потом — а то вообще от него ничего не осталось. Не иначе как лесовики пришибли. Они могут. Сами, главное, живут по каким-то дурацким правилам и других заставляют. Теперь вот мы вроде бы на их территории находимся...

Гаврюша вздрогнул.

— А как же милиция? — спросил он.

— Какая милиция?! — рассмеялся Витек. — То, что в тайге творится, милиции не интересно. Ну, конечно, если охотники передерутся пьяные, да натворят чего... в присутствии свидетелей — тогда одно. А на староверов менты не пойдут. Во-первых, эти долгобородые никогда шибко не бушевали, а если и было чего, то охотники-то всегда вверх брали. Так что староверы оказывались — потерпевшая сторона. К тому же — у них ни у кого документов нет. Да и заяву кидать они не будут никогда — это, во-вторых. Я вот на Бодайбо трубил пять лет... девяносто вторая без применения технических средств, так у нас мужик один был... Тоже вроде этих. В какого-то своего бога верил и ничего другого не признавал. А сидел за то, что мента грохнул... Не знаю уж чего они там не поделили. Да, суть в том, что староверы и подобные им полоумные не признают ни власти, ни законов. Тот мужик, что со мной срок тянул, даже протоколы допросов подписывать отказывался. И решение суда — тоже. Работал и молчал. А раз ему премия вышла — тройная пайка, так он ведомости не стал расписываться. Потеха! Так и остался без ничего. Наверное, подох в лагере. Не знаю, меня потом на пересылку...

Витек замолчал.

— Закон тут тайга, — заговорил снова. — Кто сильнее, тот и прав. Жизнь, брат, на этом свете поганая, так нужно урвать от нее побольше, чтобы хоть тебе самому полегче было. Ты, наверное, смотришь на мужиков из нашей партии, да и думаешь — мы охотимся не по правилам. Так?

Гаврюша неопределенно мотнул головой.

«Так вообще-то, — подумал он. — Деды мои и отцы сызмальства по тайги ходили. Белковали, да и на медведей, случалось, нарывались. Не здесь, конечно, не в этих местах, много западнее, но все ж таки... Тайга она везде тайга. И никогда они, как мужики из этой партии, на чистый промысел не ходили. А эти... разбредутся по лесу — трах-бах — во все стороны палят, направо и налево, верх и вниз... Лишь бы поболее настрелять. Самец ли, самка — не смотрят. Тут ведь как... медведицу завалишь, а у нее трое маленьких. Одним выстрелом, получается, сразу четверых. Четыре жизни и одна шкурка. Дед мой или отец за такие дела руки бы вырывал. Хорошо, что они не знают, с кем я в тайге. Да и самому стыдно. Но что делать? Одиночку не пойдешь. Места незнакомые»...

— А если с нами не нравится, нечего было с нами и идти, — проговорил между тем Витек. — Пошел бы с другими. Которые по месяцам долгим бродят, а потом с десятком шкурок и выходят к людям... Расходы больше встанут, чем доходы. У нас хоть деньгу подзашибить можно...

— Да, — сказал Гаврюша, чтобы что-то сказать.

Витек закурил, бросил спичку в огонь и о чем-то задумался.

— Короче говоря, — сказал он после долгой паузы. — Тут закон один — тайга. Звериный закон. Только и он — для кого какой. У нас один. У староверов другой. А менты не вмешивались никогда и никогда не будут. Да и

как они сюда доберутся? Пехом переть неделями им в лом. А тут и иначе и нельзя. Даже вертолет посадить негде. Тайга...

Гаврюша пожал плечами, стараясь скрыть появившуюся вдруг по непонятным причинам дрожь.

— Да не ссы! — хохотнул Витек и хлопнул Гаврюшу по плечу. — Мы по всем раскладам на территория России, а не... И эти долгобородые залупаться на будут. В лагерь, по крайней мере, не сунутся. Было как-то... пара случаев, когда лесовики в открытую выступали, но... это давно было. А теперь — их лет десять как не видели... Может, они вообще передохли все в тайге, я не знаю...

Проговорив это, Витек смолк. Гаврюша посмотрел на него, хотел было что-то сказать, но промолчал, едва разлепив губы. Минуту посидел на корточках, уставившись в пляшущее языкастое пламя, и снова вздрогнул, приподнявшись и крепче стиснув берданку.

— Сова, — не поворачивая головы, проговорил Витек.

— А?

— Сова, говорю, — повторил Витек и лениво потянулся. — Ухнула где-то, а ты и дернулся. Чего ты нервный такой? Небось, про леших своих вспоминаешь? Эх ты... деревня и есть...

\* \* \*

Витек был прав — Гаврюша как раз думал о тех самых долгобородых лесовиках. Он и раньше слышал о них — еще до того, как, с трудом получив лицензию, ушел с компанией охотников на промысел. Тогда жил Гаврюша в деревне Светлянке под городом Среднеколымском, дожил до восемнадцати годов, а когда время пришло идти в армию, даже обрадовался — когда еще парню из глухой